

18+

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВ

**СВЯЩЕННИК –
ТОТ, К КОМУ
ПРИХОДЯТ ЛЮДИ**

Владимир Алексеев

**Священник – тот,
к кому приходят люди**

«Издательские решения»

Алексеев В.

Священник – тот, к кому приходят люди / В. Алексеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594503-7

Книга собиралась из стихов, написанных летом 2022 года. Трудности редактирования не позволили завершить её до наступления нового 2023 года, электронный вариант публикуется 31 декабря «как есть», печатный будет впоследствии доработан.

ISBN 978-5-00-594503-7

© Алексеев В.
© Издательские решения

Содержание

«Священник – тот, к кому приходят люди...»	6
Брату за границу	7
Друзьям-иконописцам	8
«Мы праздны в помыслах – ну что же!..»	10
«Жизнь всё быстрее катится с горки...»	11
«Толпа – фуфаечки, кепарики...»	12
«Дом расширен и стеснён...»	13
«Туман свивается над речкою...»	14
«Люди кормятся не былиной...»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Священник – тот, к кому приходят люди

Владимир Алексеев

© Владимир Алексеев, 2023

ISBN 978-5-0059-4503-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Священник – тот, к кому приходят люди...»

Священник – тот, к кому приходят люди.
Апостол – тот, кто к людям сам идет.
У каждого свой дар, и горько будет
Его употребить наоборот.

Молитвой созывать под своды храма,
Или входить под чей-то чуждый кров?
Припоминай, чтобы избежать срама,
Святое разделение даров.

Брату за границу

Словно на лоскутном одеяле —
Карты мира пёстрые куски.
Чем бы нас теперь ни разделяли,
В письмах мы не так уж далеки!
Поздравляю с Рождеством Христовым —
Не рассечь границам Рождество!
По Земле без визы ходит Слово,
Выше и свободнее всего.
Кроме экономик и политик
Есть другое, тоньше и важней.
Есть весна, и каждый малый листик
Радостью и светом полон в ней.
Лето есть с заботой урожая,
Ярок дней осенних хоровод,
А зима, надежды умножая,
Снова дарит праздник – Новый Год.
С Новым Годом! Будто от причала
В плаванье сквозь дни календаря,
Мы уходим, радость улучая,
И ответно радостью даря,
Разный курс по разным водам держим,
Разных рек проходим рукава,
Чтоб вернуться с общею надеждой
К Вифлеемским яслям Рождества.

Друзьям-иконописцам

В Праздник Торжества Православия

Наверное, пришло б на ум: напиться,
Устроить непотребство и дебош,
Когда бы не труды иконописцев:
Усовестят любого, хошь – не хошь...

За дверью – переходные калики,
И грай ворон, и песни под гармонь,
А в полумраке – образы и лики,
Святой лампадки меркнувший огонь.
Так где-то в прошлом веке (век бесовский!),
Придя однажды в церковь, не в кабак,
И каялся, и падал ниц Высоцкий,
А Влади хохотала: во, дурак!
Остался бард без Бога, вне ограды:
«Друзья» «спасли», из храма увели.
А в храме тлели светлые лампы,
Как звёзды, догорая средь Земли.
По-братски балагурия над обедней,
Вели под ручки шут и острослов,
Был обращён напрасно взор последний
На золото сусальных куполов...
И вновь была трагедия: напиться,
Устроить жизнь, чтоб было «всё не так!»
Когда б в его друзьях – иконописцы,
А не актёр, не комик, не пошляк...
С искусной кистью в мастерской, левкасы
То линейей, то краскою даря,
Поэту уделите четверть часа,
Когда поэт стоит у алтаря.
В словесной пустоте не дайте скиснуть,
Гулять и пить с шутами заодно;
Ведь вам дано, друзья-иконописцы,
В небесный рай распахивать окно.
Где дым кадильный прихотливо соткан,
Где лики над душой имеют власть,
Быть может вновь придёт другой Высоцкий
Покаяться, одуматься, припасть...
И пусть влечёт к иной утехе Влади,
Глумливо, иностранно, со смешком,
Поэта вразумите, жизни ради,
Иконы Православной языком!

«Мы праздны в помыслах – ну что же!..»

Мы праздны в помыслах – ну что же!
Ты – Вечность, мы – слепые дни.
Глубокомысленность ничтожеств
Нам в преступление не вмени.

Нас оплетают лжи и сплетни
Насквозь корнями эпох.
Враги у нас тысячелетни,
А мы – веков короткий вздох.

Нам оправдаться будет нечем,
Ни песни в нас, ни слова нет.
Но Ты столь благ, насколько вечен,
И нам, безгласным, даришь свет.

Как огонёк в стеклянной лампе
В нас брезжит Духа благодать,
К божественной склоняя ласке —
Не взять у ближних, но отдать.

И там, где сердце ищет строки,
Чтоб объяснить себя иным,
Каким бы горьким и жестоким
Отечества ни стлался дым,

Убогий быт пути земного —
Сильней всего, верней всего —
Порой пронизывает Слово
Лучами света Твоего.

«Жизнь всё быстрее катится с горки...»

Жизнь всё быстрее катится с горки.
Можно весною думать о зимах.
Где наши образы юных, бойких,
Непобедимых, неотразимых?

Те зеркала давно уж разбиты,
Пылью подёрнулись, постарели.
Кто на коне? Подагры, артриты.
Болью подстрелены менестрели.

Не побряцаешь, как встарь, на лютне
Пальцем негнущимся и корявым.
Совестно быть нам на месте людном,
Склонным по-прежнему к гордым нравам.

Всё изменилось, как ни хотели
Век вековать, оставшись на гребне.
Больше – молитвы теперь по теме,
Сны о Борисе, думы о Глебе.

Где было ясно – стало кромешно.
Тёмная ряска вместо стихии.
Время показывает неспешно,
Кто мы такие, кто мы такие.

«Толпа – фуфаечки, кепарики...»

Толпа – фуфаечки, кепарики,
Топорик каждому не внове.
Гундосят тонкие комарики,
Чтоб отолстеть, напившись крови.

Тайга – она не променадная,
Ни лоск, ни форс не понимает.
Зимой, когда согреться надо бы,
Мороз до дрожи пронимает.

А летом – гнус, такое времечко,
Одёжный пот – не для парада.
Течёт толпа, глухая реченька,
Из запашистого барака.

Барак поскрипывает нарами,
От тел пригорбленных избавясь.
Так под ветвями сухопарыми
Свободы дерзкой зреет завязь.

Так дума тайная крамольная
На темя потом проступает.
Так старый поп в земле намоленной
Могилу для себя копает.

Когда в барак загонят поскорю
Конвой, нужда и непогода,
Приснится рай, Христос с Апостолом,
А может – Сталин и Ягода.

«Дом расширен и стеснён...»

Дом расширен и стеснён
Серым сумеречным часом.
Только нимбы у икон
Золотятся над левкасом.

Только пламя в камельке
Юрко скачет, словно белка,
В каждом малом уголке
Рассыпая искры мелко.

Что за окнами? Туман,
Стрёкот августа цикадный.
Разложи архив бумаг,
Правь рукою беспощадной.

Мни и комкай ночи, дни,
И бросай без страха в топку.
Пых, да пых – огни, огни.
Были – были, ну а толку?

Был ты, не был – кто прочтёт?
Только ветер над трубою.
И велик ли в том почёт —
Грезить участью другою?

Всё туманно вдалеке,
Славит истину, не брешет
Только этот в камельке
Огонёк, что душу тешит.

«Туман свивается над речкою...»

Туман свивается над речкою,
Где норов трав остёр и сыр.
Покрит епитрахилью вечера
Закатный мир, остывший мир.

Полоска узкая на западе
Ещё горит над ивняком.
Вблизи рогоза в тёмной заводи
Шевелит рыба плавником.

А звёзды сыплют в небо искрами
Недосыгаемую даль,
Как будто принимая исповедь
В апостольские невода,

Как будто обнимая ласкою,
Не укоряя, не жуя
Давно невзрачную, не баскую
Больную душу сентября.

Листва бесшумно, редко падает
С ветвей ракит, с ветвей берёз.
Луна огнистою лампадою
Пророчит утренний мороз.

И будет путь подмёрзшей глиною
Туда, где теплит свой Престол
На взгорке церковка старинная
С давно обрушенным крестом.

«Люди кормятся не былиной...»

Люди кормятся не былиной,
А в пельменной или же в блинной.
Люди кормятся небылицей,
Искажающей дрожью лица.

Люди кормятся – да и ладно,
От Нью-Йорка до Таиланда.
Ведь у тела такая тема:
Восполняется пищей тело.

А душе не того ли надо,
Чтоб была она жизни рада —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.